

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Э.И. Райхлин

БЫЛО ЛИ НЕИЗБЕЖНЫМ КРУШЕНИЕ "СОЦИАЛИЗМА" В СССР? ПРИЧИНЫ ЭВОЛЮЦИИ "РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА"

Аннотация. Для того чтобы понять, что стало причиной разрушения советского «реального социализма», надо проанализировать, каковы были те «обручи», которые скрепляли эту систему, и что привело к их эрозии. Следующие четыре социально-психологических фактора скрепляли в течение определенного времени советский «реальный социализм», или тоталитарный государственный капитализм. Первый — это прагматическая заинтересованность в сохранении режима. Бюрократия как класс была заинтересована в поддержке системы бюрократических привилегий, позволявшей ей контролировать и управлять формально общественной собственностью. Небюрократическая часть населения также была заинтересована в поддержании статус-кво социально-экономической системы. Она (небюрократическая часть населения) высоко ценила такие важные преимущества «социализма», как стабильность и предсказуемость жизни в стране. Это последнее замечание относится прежде всего к послесталинскому времени (после 1953 г.). Второй — это неведение значительной части населения, включая и высшие слои бюрократии, о том, что происходило в стране и в окружающем мире. Это неведение поддерживалось самими запутавшимися властями, которые говорили одно, думали другое и делали третье в тех случаях, когда этого требовали их интересы. Третий — это фанатическая вера в приход «коммунизма», или царства божия на земле. Возвращенная неведением и подогреваемая партийной бюрократией, эта новая религия распространяла оптимистический взгляд на будущее, а потому обеспечивала приемлемость настоящего среди значительной части советского населения. Наконец, четвертый — это боязнь сделать что-либо против «социалистической» системы, причем страх носил неоднородный характер. Это и боязнь тех, кто не был уверен в «социалистической» природе системы, но кто был не в силах противостоять давлению фанатически верующих; это и нервозность со стороны тех, кто вообще не воспринимал идею царства божия на земле, но кто был парализован страхом перед всемогущим КГБ.

Ключевые слова: международные отношения, политика, СССР, социализм, политическая нестабильность, политический режим, государство, интересы, ценности, безопасность.

Социальные факторы, вызвавшие эрозию «социализма»¹

Постепенное разрушение системы советского «реального социализма» было вызвано, прежде всего, внутренними причинами. Что касается внешних причин (гонка вооружений, или военно-идеологическая конкуренция со странами Запада и, в первую очередь, с США), то они лишь ускорили процесс трансформации системы советского «реального социализма», ни в коей мере не изменив его направления.

Внутренними причинами явилось как раз ослабление тех четырех факторов, о которых речь шла выше. Процесс этот шел следующим образом.

Ослабление заинтересованности в сохранении системы

Развитие советского «социализма» поляризовало отношения как внутри бюрократии, так и между нее и небюрократической частью населения. Рассмотрим каждые из этих отношений отдельно.

Взаимосвязь между различными слоями бюрократии сделалась исключительно сложной и запутанной, поскольку отношения владения собственностью и распоряжения ею постепенно и постоянно менялись местами в зависимости от статуса того или иного бюрократического слоя в вертикальных рамках бюрократической пирамиды.

В результате бюрократ более низкого иерархического уровня, который до этого являлся простым распорядителем части национальной собственности, теперь, именно вследствие близости к этой части национального богатства, становился ее фактическим собственником по отношению к более высоко стоящему бюрократу. Наличие относительной фактической собственности

¹ Настоящая статья представляет собой чуть переработанный отрывок из двух моих работ. Одна из них на английском языке: Ernest Raiklin, Socioeconomic Systems of Russia since the 1850 s. Washington, D.C.: Journal of Social, Political and Economic Studies, Monograph Number 33, 2008, pp. Другая — на русском языке: Эрнст Райхлин, Основы экономической теории. Экономический рост и развитие. М.: «Наука», 2001. С. 182-192.

более низкого бюрократа нашло свое выражение в способности последнего давать взятки и подкупать (с помощью находившихся в его распоряжении производственных ресурсов) другого бюрократа, стоявшего на более высокой ступени иерархической лестницы.

В конечном счете, случилось неизбежное: во все более специализированном, чрезвычайно усложненном и огромном хозяйстве огромной страны центр власти и *реальная* (хотя все еще *не легальная*) возможность распределения экономических ресурсов постепенно смещались вниз по пирамидальной лестнице. Этот процесс подрывал до того четко очерченные отношения внутри бюрократической социально-экономической системы так, как если бы эта система постепенно перевертывалась вверх дном².

Таким образом, первой «жертвой» развития «социализма» стала фактическая эрозия иерархии непосредственной заинтересованности различных слоев бюрократии в сохранении этой системы. Ее рамки воспринимались как жесткие, негибкие и слишком приспособленные к интересам более высоких слоев бюрократии в ущерб ее более низким слоям.

Но, поскольку, за исключением бюрократической олигархии, каждый бюрократический слой располагался *одновременно* и ниже, и выше других слоев, постольку все эти слои (опять же за исключением наивысшего, или бюрократической олигархии) *в той или иной мере* оказывались недовольными своим положением.

Возраставшая неспособность бюрократической олигархии держать под своим контролем более низкие слои бюрократии была также вызвана значительным ростом теневой экономики (от 20 до 40% национального дохода страны), паразитировавшей на дефиците прежде всего потребительских товаров и услуг. Ибо деятельность «теневиков» постепенно срасталась с деятельностью различных слоев бюрократии и еще более запутывала отношения внутри нее.

Но взгляд на реальности «социализма» небюрократической части общества также был поколеблен, и это нашло выражение в деформации отношений между бюрократией и остальной частью населения.

Возраставшая фактическая власть низших слоев бюрократии, и особенно наиболее низких бюрократий предприятий, местных советов и партийных организаций (власть, усиливавшаяся растущей смычкой между этими бюрократиями и дельцами теневой экономики), с которыми советский человек сталкивался в своей повседневной жизни и от которых зависела его судьба, делала небюрократическую часть населения страны

еще более беззащитной перед капризным и все более непредсказуемым поведением этих низших бюрократических слоев. В результате растущее возмущение населения против них постепенно преобразовывалось либо в неверие во всю бюрократическую иерархическую систему, органической частью которой были низшие бюрократические слои, либо в ностальгическую тоску по времени четко обозначенных правил *первоначальной* сталинской социально-экономической модели.

В результате снижающийся интерес в сохранении статус-кво со стороны как бюрократической, так и небюрократической части советского населения (каждой по своим собственным, зачастую противоположным причинам) был первым важнейшим фактором в создании *трещин* в здании «социализма», или тоталитарного государственного капитализма. Однако этот фактор, хотя и был необходим, но не был достаточен для *развала* самой системы.

Трещины в стене неведения о положении в стране и мире

До 1956 г. сначала российское, а затем советское население жило в состоянии постоянного перенапряжения сил, вызванного двумя мировыми войнами, двумя революциями, гражданской войной, коллективизацией, индустриализацией, пятилетними планами, послевоенной реконструкцией, политическими процессами, трудовыми (фактически концентрационными) лагерями и общей тяжестью ежедневной жизни тотального дефицита, очередей и т.д. Это перенапряжение чрезвычайно истощило нацию. Усталая нация была все менее способна трудиться и зачастую продвигалась вперед лишь благодаря силе инерции.

Страна спрашивала себя: что случилось? кто виноват? что можно сделать, чтобы продолжить марш в направлении царства божия на земле («коммунизма»)?

Ответы на вопросы могли быть даны только теми, кто обладал монополией на управление всеми сторонами жизни общества, в том числе и на информацию. Высшая партийная бюрократия, у которой была такая монополия, дала ответ в форме разоблачения культа личности в 1956 г. на XX съезде КПСС. Так была пробита первая брешь в стене неведения о реальном положении дел в стране и мире.

Постепенно та правда, которую партийная бюрократическая олигархия была вынуждена открыть народу в собственных интересах сохранения режима, стала все более распространяться в народе и служить уже интересам последнего.

Однако, в отличие от прежних времен, это уже был *другой народ*: советские люди последних десятилетий XX в. в своем большинстве уже *не* были неграмотными крестьянами, жившими в небольших деревнях, отделенных друг от друга огромными и практически непре-

² Для лучшего понимания того, о чем идет речь, мы советуем перечитать нашу статью «Размышления о советском строе» (soviet1), опубликованную ранее в электронной версии данного журнала.

одолимыми расстояниями. Так, к 1990 г. две трети населения жило в городской среде по сравнению с одной третью в 1940 г. К 1987 г. практически все население страны (99%) было грамотным.

Таким образом, растущее *желание* советских людей знать о положении дел в стране и мире сочеталось с их *способностью* так или иначе переваривать информацию, думать, анализировать, сравнивать.

В то же время плоды научно-технической революции, переходившие из ВПК в гражданское производство, создавали *средства*, необходимые для удовлетворения информационной жажды советского человека. Среди таких средств *массовой* информации были: западное радио на родном языке слушателя, телефоны, телевизоры, компьютеры, спутники связи, магнитофоны, видеокассеты, факсы и т.д.

Все большее распространение средств массовой информации дополнялось развитием транспорта в форме собственного автомобиля и гражданской авиации.

Теперь советские люди могли слышать, смотреть и наблюдать не только различные регионы собственной страны. Для *некоторых* из них стали открываться и «ворота в мир».

Не рядовые граждане открыли эти ворота. Время начала открытия окружающего мира было продиктовано нуждами бюрократии. Контакты с иностранцами и даже поездки за границу (*необходимость* которых особенно выявилась в 1970-е годы начала массовой продажи нефти и газа в другие страны, продажи, с помощью потоков твердой валюты в страну создававшей *возможность* таких контактов и поездок), начавшись на уровне высших слоев бюрократии, охватили все более низкие ее слои, пока, наконец, не достигли основы пирамиды — рядовых советских граждан.

Являясь инициатором этих изменений, бюрократия хотела наслаждаться плодами урбанизированного и грамотного общества. Ей было любопытно знать, «как живут другие люди».

Ведь личный материальный и социальный статус любого человека обычно имеет *относительную* природу. Подобно «другим» (иностранцам, прежде всего из западных стран), бюрократия желала удовлетворить свою возраставшую жажду потребления поездками за границу, проведением отпусков на экзотических иностранных курортах, обучением своих детей в лучших западных учебных заведениях и т.д.

Те небюрократические сегменты советского населения, которые так или иначе имели тесные отношения с бюрократией, последовали примеру последних. Запросы бюрократии становились запросами близких им кругов небюрократического населения.

Контакт с окружающим миром, и особенно со странами Запада и Японией, еще более подорвал не-

достаток информации, которую советские люди имели о других странах и своей собственной стране.

Постепенно, и во все большем числе, советские люди, относившиеся к различным слоям советского общества, начали понимать, насколько убогой была их жизнь и в социальном, и в экономическом, и в политическом отношении. В шоке и унынии они обнаружили, что потребление в их стране, которая гордилась статусом супердержавы, было в лучшем случае на уровне турецкого или португальского, т.е. на уровне наиболее бедных стран Организации экономического сотрудничества и развития в Европе.

Слом ограниченный фанатизма

Однажды начавшийся процесс приобретения знаний о стране и мире, как снежный ком, летящий под гору, уже не мог быть остановлен. А это, в свою очередь, привело к ослаблению веры в справедливость «реального социализма» и усилению сомнений в отношении его светлого будущего («коммунизма»). В конечном счете, повстречавшись с правдой о себе и мире, советские люди должны были понемногу отказываться от не критического взгляда на собственную страну и на другие страны.

Стало появляться сначала пусть слабое, но, тем не менее, понимание того, что провозглашенная *общественная* собственность — это иллюзия, маскирующая собственность *бюрократии* как класса; что провозглашенные социальное, экономическое, политическое и национальное равенство, единство, свобода, братство — это миф и т.д.

Как следствие, фанатизм рухнул, поскольку некоторые из мифов, на которых он держался, были поколеблены, а другие низвержены.

Расшатывание фундамента «здания» страха

По мере постепенного исчезновения фанатической веры закатывалась «звезда» и организованного парализующего страха, который не давал возможности обществу критически оценивать систему «реального социализма». И с уходом с исторической сцены людей, фанатически веровавших в эту систему, грубая сила потеряла способность «убеждения». Оказалось, что уже было не так много убеждающих и не так много тех, кого можно было убедить.

Это произошло потому, что бюрократия как правящий класс советского общества больше *не нуждалась* в «здании» страха и фактически хотела его разрушения. Достигнув всей полноты власти в стране, став хозяином и корпоративным собственником всех ее материальных ресурсов, все слои бюрократии становились все более нетерпимыми в отношении экстремальной атмосферы фанатизма, страха, неуверенности и отсутствия *личной* безопасности, создававшейся сталинским террором.

В послесталинское время бюрократию также все более раздражала очевидная «законспирированность» ее жизни из-за необходимости постоянного сокрытия ее *привилегированного* статуса в «социалистической» стране, где, по определению, должны были отсутствовать какие-либо *привилегии*.

В конечном счете, постепенно «прибавляя в весе», как и подобает живому существу среднего возраста, и пополняя свои ряды все более образованными людьми (в отличие от ее первой шеренги), бюрократия делалась «мягче» в отношении использования грубой силы для сохранения своего положения в обществе. А там, где слабеют фанатизм и желание использовать силу, там все меньше остается места для страха.

Экономические факторы эволюции советского «социализма»

Поскольку *реальная* власть в стране постепенно спускалась вниз, на уровень директоров предприятий, которые из *функциональных* собственников (распорядителей) частей национального богатства постепенно превращались в их *фактических* (но еще *не* юридических) собственников, поскольку, иными словами, отношения *внутри* бюрократической пирамиды становились чрезвычайно запутанными, постольку *высшей* бюрократии все труднее становилось управлять бюрократией и страной *в целом*.

Такова была внутренняя *социальная* подоплека трансформации советского «реального социализма». Но была еще и *экономическая* подоплека.

Советская система стала жертвой своих собственных успехов в экономическом развитии. За счет индустриализации неизмеримо выросло производство. Если раньше им можно было управлять из центра, то теперь такая форма правления экономикой огромной страны делалась совершенно невозможной.

В то же время, благодаря культурной революции, выросли кадры технически образованного директорского корпуса, в определенной и все возрастающей степени освобождавшегося от идеологических шор, тяготившегося опекой партийной и центральной бюрократии, способного самостоятельно решать производственные вопросы предприятий.

Хотя бюрократическая олигархия все *менее была способна* руководить производственными процессами в стране и она (бюрократическая олигархия) *не хотела* ни с кем делиться своей властью, выступая от имени всего общества, тем не менее она *вынуждена* была начать частичную децентрализацию экономики страны (реформы Хрущева, Косыгина, Горбачева) для сохранения СССР как мировой державы.

Ибо в конце 1970-х гг. Япония обогнала СССР по объему промышленного производства. Промышлен-

ность Германии «дышала в затылок» советской промышленности. Советский Союз начал отставать в экономическом соревновании с наиболее развитыми промышленными странами мира, по объему промышленного производства, перейдя со второго (после США) на третье (после Японии) и постепенно скатываясь на четвертое (после Германии) место.

Причина заключалась в том, что советская система директивного центрального государственного планирования, способствовавшая экономическому росту прежде всего в *количественном* отношении и прежде всего в *традиционных* отраслях советского народного хозяйства (добывающие отрасли, металлургия, обрабатывающие отрасли и др.), в результате социальных изменений, о которых речь шла выше и которые выразились в усиливающейся неразберихе в отношениях внутри бюрократии, неспособности верховной бюрократии направлять производственный процесс, меньшей податливости народных масс, - эта система в условиях научно-технической и информационной революции перестала быть эффективной.

Горбачевские реформы (перестройка, гласность) были последней попыткой бюрократической олигархии *оживить* социально-экономическую и политическую жизнь страны, чтобы, сделав ее экономику более инициативной, а потому более эффективной, продолжать восседать во главе СССР как могущественной «социалистической» супердержавы.

Но эти реформы означали процесс *децентрализации* советской системы во всех ее аспектах: сокращение роли министерств и Госплана (высшей хозяйственной бюрократии), промежуточных бюрократических звеньев и т.д. В результате реформы, инициированные бюрократической олигархией и проводившиеся прежде всего в ее интересах, *объективно* служили интересам низших слоев бюрократии, целью которых как раз и была на первых порах децентрализация власти, *юридически* закреплявшая, таким образом, их новое место в структуре советской «социалистической» системы.

Таким образом, попытка бюрократической олигархии решить проблему эффективности советской экономики путем ее децентрализации была *субъективным* отражением *объективной* необходимости разрешения конфликта между производительными силами советского общества, чью возросшую мощь выражали трансформировавшиеся из положения функциональных собственников (распорядителей) в положение фактических собственников низшие слои бюрократии, и производственными отношениями этого общества, выразителем которых была сама бюрократическая олигархия как представитель *общегосударственной* собственности.

Сыграв прогрессивную роль в индустриализации крестьянской страны (правда, исключительно жесткими методами), *тоталитарный* государственный капитализм, воплощением которого была бюрократическая олигархия, должен был сойти с исторической сцены и уступить место иной форме капитализма: *авторитарно-государственной*.

**Морально-психологические факторы,
вызвавшие эрозию «социализма»**

Чтобы лучше понять морально-психологические причины эволюции «реального социализма», необходимо вернуться назад и начать с этики и поведения строителей этой системы.

Этика и поведение строителей «социализма»

К концу 1930-х гг. были окончательно уничтожены старые и их место заняли новые общественные классы. Начиная с Октябрьской революции, единственным объектом поклонения партия и государство провозгласили угнетенные и бедные классы, поскольку ряды партийной и государственной бюрократии пополнялись прежде всего из такого источника. В отличие от православной церкви, которая осуждала богатых и провозглашала свою любовь к бедным, партийная бюрократия через государственную бюрократию, потакая интересам бедных крестьян и крестьянски настроенных рабочих, натравливала их на богатых: зажиточных крестьян, нэпманов и т.д.

Путь к коммунизму, согласно большевикам, лежал через «социализм» — коллективизацию, индустриализацию и модернизацию (одним из проявлений которой была культурная революция). Чтобы построить эту дорогу, большевистские «жрецы» проповедовали, распространяли и внедряли в сознание советских людей ту мораль, которую советские люди, так или иначе, в своем большинстве хотели иметь. Это была этика чрезвычайно высоких ожиданий, подпитываемых определенным желанием пожертвовать настоящим во имя будущего.

В отличие от старой православной христианской морали, но в соответствии с прагматизмом крестьянина-общинника, большевизм отверг *абсолютный* характер этики и морали, одновременно абсолютизировав их *относительное*, утилитарное начало. Поведение человека могло считаться «хорошим», «моральным» и «справедливым» лишь в том случае, если оно способствовало строительству дороги к бесклассовому, совершенному обществу. Те же, чье поведение шло вразрез с такой этикой поведения, рассматривались как враги народа, вредители, препятствующие движению народа в рай на земле.

Преобладающий моральный настрой смыл какое-либо желание противостоять победному движению в сторону будущего общества добродетели и справедли-

вости, поскольку любое сопротивление теперь расценивалось как «жрецами», так и их «паствой» как предательство интересов народных масс.

Это триумфальное шествие быстро родило новое явление: все более сокращающийся круг партийных «жрецов», которые имели право интерпретировать и инициировать политику партии. Данное явление отразило тот процесс, который происходил в глубинах нарождавшегося советского общества (процесс, о котором мы писали ранее): выделение бюрократии с различными фракциями, организованными в пирамидально-иерархическом разрезе.

Подобное случилось потому, что строительство и поддержание современных крупных предприятий требует централизованного и авторитарного руководства даже в высокоразвитой промышленной стране. В отсталой же стране с преимущественно неграмотным, пассивным и недисциплинированным (с точки зрения государственного крупного производства) крестьянским населением и только что вышедшими из крестьянства рабочим классом и бюрократией разделение труда между теми, кому суждено было руководить, и теми, кому судьба предписала быть ведомыми, должно было принять несравненно более жесткую форму.

В результате произошла «революция сверху», и крайности сошлись в который раз: горячая активность большевистских «прорабов-строителей», ранее готовых служить простым *средством* для достижения благородной цели построения совершенного общества для *других*, т.е. для ранее эксплуатируемых масс, произвела на свет общественную систему, в которой средства и цели поменялись местами. Единственной (хотя и не афишируемой) целью большевистских руководителей стало усиление власти и привилегий народившейся бюрократии за счет остального, небюрократического населения. Обещанное царство божие на земле стало идеологической приманкой и наркотиком, с помощью которых бюрократия могла «накачивать» советских людей именно потому, что огромное их большинство желало быть «накачанными». Ленинизм (новая социальная религия страны) из величайшей революционной силы, фанатически преданной заботам о процветании жизни простых людей, превратился в могущественную консервативную идеологию статуса-кво, целью которой стало удержание большевиков, этих «народных благодетелей», у власти любым способом.

Таким образом, в конце дороги, приведшей к построению «реального социализма» (тоталитарного государственного капитализма), возникло два типа нового, советского человека со своими собственными моральными принципами и нормами поведения. Одна (негласная, тайная, нигде не декларируемая) мораль стала нормой поведения жадной до власти, беспощадной,

циничной, продажной, заботящейся исключительно о своих собственных интересах, а потому лицемерной бюрократии. Другая мораль предназначалась для остального, небюрократического населения, значительная часть которого наивно верила проповедям патийных «жрецов», в частности, о том, что построенное к концу 1930- гг. общество и есть «реальный социализм».

Но для тех, кто хотел и мог видеть (а таких в СССР было немного), советское общество совершенно отчетливо сделалось *новым классовым* обществом. Ибо для тех, кто не входил в число бюрократии, чтобы быть «спасенным», т.е. достичь земли обетованной, надо было быть честным и правдивым, повиноваться, одобрять единогласно, никогда не жаловаться, много работать на благо государства и партии. Ибо, с другой стороны, для тех, кто находился внутри бюрократической пирамиды и особенно на ее вершине, быть «спасенным» означало лгать, красть, предавать, приказывать и не отвечать ни перед кем, кроме как перед своими руководителями.

Хотя риторика раннего периода советской власти практически не изменилась и *формально* правила поведения оставались едиными для каждого советского («социалистического») человека, в *действительности* они (правила) теперь применялись лишь к небюрократической части общества. Бюрократия, и в особенности ее более высокие слои, *фактически* чувствовала себя не подвластной этим моральным принципам.

Необходимо, однако, отметить, что в одном отношении «социалистическая» цель равенства в стране была достигнута. В той же самой степени, в какой почивший Ленин заменил Бога, а живущий Сталин стал посланником Ленина на земле, соединяя в своем лице и царя, и партийного «первосвященника», по отношению к всемогущему Сталину любой член советского общества, сверху донизу, теперь стал *никем*. Но сталинская мессианская связь с «его» людьми была лишь верхушкой айсберга, отражая структуру нового, «социалистического» общества, в котором каждый начальник считался всемогущим в пределах сферы его ведения. Это происходило потому, что его власть была получена им от «его» начальника и, в конечном счете, через вертикальную цепочку начальников, от самого «Высшего Хозяина».

В течение досталинского, «досоциалистического» периода большевизма целью было подчинение личности коллективу. В течение сталинского, «социалистического» периода коллективность стала способом, с помощью которого индивидуальность была привязана к новым, непогрешимым хозяевам страны.

Ряды партийных и государственных бюрократов заполнялись новыми поколениями практичных, «земных» людей, по-прежнему в своей массе происходивших

из крестьян или рабочих, но уже в новое время, когда власть была в руках людей, вышедших из тех же классов. Главной заботой этих новых бюрократических поколений был уже не захват власти, а карабканье вверх по бюрократической лестнице, покидая социальные группы родителей во имя улучшения своей жизни.

Одновременно все возраставшее число внутривластной и государственной бюрократии, первоначально принявшее участие в большевистском движении из чувства сострадания к эксплуатируемым массам и ненависти к старым господствующим классам, расставалось с благородными идеями, чтобы приспособиться к новым обстоятельствам. *В результате произошло столкновение реального нового мира циничных прагматиков с иллюзорным миром идеалистических романтиков-догматиков.*

Конфликт между двумя этими фракциями внутри партийной и государственной бюрократии начался в середине 1920 и завершился в конце 1930 гг. Это была борьба против троцкизма и правой оппозиции.

Для огромного большинства небюрократической части населения барьба, например, Троцкого против Сталина была равнозначна *богохульству*, ибо в глазах этих людей Троцкий выступал против посланника Ленина на земле. Поэтому сталинскому крылу партийной бюрократии было легко представить народу троцкистов и других «уклонистов» фактически (нигде, конечно, официально не называя их такими именами) как *еретиков, язычников*, отвергших большевистскую религию, так как подвергали сомнению и оспаривали непогрешимость ее единственного живого символа на земле: Иосифа Сталина.

Для сталинской фракции, выступавшей как установившаяся и всемогущая «церковь» в стране, борьба против троцкистов означала борьбу за сохранение власти, но, конечно, официально в интересах трудящихся страны. Для оппозиционеров борьба против сталинистов представляла собой войну за возвращение к власти и тоже во имя интересов тех же трудящихся масс. Каждая сторона апеллировала к народу, доказывая, что именно ее позиция отвечает его нуждам, в то время как идеи другой стороны враждебны этим нуждам.

За сталинской стороной в этом споре, как мы помним, стояли объективная необходимость тоталитарно-государственно-капиталистического развития страны и ментальность населения того периода.

Форма, которую приняли эта борьба и ее результат, была, в сущности, преопределена: когда жизненные интересы одной группы людей оспариваются другой группой, когда столкновение между этими группами окрашивается в яркие фактически религиозные тона нетерпимости и фанатизма и когда традиций для мирного разрешения конфликта еще не существует, тогда

более могущественная группировка с неизбежностью прибегает к *физическому* подавлению своего идеологического противника.

Чистки и репрессии, начавшиеся в конце 1920 и достигшие кульминации в конце 1930 гг., ставили своей целью смягчение идеологического напряжения внутри партийной бюрократии и в обществе в целом. Их конечная цель заключалась в устранении любой внутренней оппозиции правлению большевистской «церкви» и ее «мессии» и таким образом окончательная легитимизация власти партийной и государственной бюрократий.

Московские политические процессы принесли необходимое единство в партию, государство и широкие массы населения. Они демонстрировали внушительную силу новой религии и ее церкви.

И неожиданно, каким-то чудесным образом, обвинители и обвиняемые (за редкими исключениями) полностью сошлись во мнении о непогрешимости «мессии» и абсолютной правильности дороги, которую он указал для достижения коммунизма. Такой метаморфоз оппозиции не мог быть объяснен лишь физическим воздействием на нее или террором против нее. Террор без фанатических исполнителей работает лишь в течение очень короткого времени. Ибо фанатизм требует глубокой веры исполнителя в правильности его действий. И эта глубокая вера исполнителя-фанатика, в конечном счете, рано или поздно не может не сказаться на силе воли к сопротивлению потенциальной жертвы. Но глубина такого влияния зависит от моральных устоев потенциальной жертвы.

В *нормальных* условиях социальные потребности человека удовлетворяются среди его ближайшего окружения: семьи, знакомых, друзей, товарищей и т.д. но для некоторых людей такие нормальные отношения оказываются недостаточными. По тем или иным причинам они ищут за пределами своего ближайшего окружения людей, идеологию или другие объекты, с которыми они могли бы солидаризироваться.

Похоже, что и обвиняемые большевики старого призыва, и обвинители большевики нового призыва принадлежали ко второй разновидности людей: и обвиняемые, и их обвинители смогли практически реализовать свое «я» в членстве в большевистской партии. Как глубоко верующего, например, христианина, приводит в ужас сама мысль о возможном его отлучении от церкви, так и обе группы людей внутри большевистской партии трепетали от самой идеи не принадлежать партии, ибо быть вне ее означало оставаться одиноким, а потому потерять всякий смысл жизни.

Обвиняемые, став новообращенными, ясно и быстро поняли, что служить партии (новой «церкви») значило «молиться» ее Генеральному (Первому) секретарю («мессии» Ленина на земле). И тогда они стали де-

лать такие признания, какие мир не слышал со времен средневековой инквизиции.

Обвиняемые знали, что их *физическая* судьба предрешена. Но они, эти твердокаменные «атеисты», на московских судебных процессах пытались спасти не свои *жизни*, а свои *души*, которые они навсегда отдали партии. Ведь партия теперь отворачивалась от них, поскольку они сами отвергли ее верховного «жреца». Перед обвиняемыми поэтому открывалась одна дорога: чтобы восстановить свою духовную связь с партией, необходимо было преклонить колени перед «мессией» и его безграничной мудростью.

Простые же люди в это время играли роль статистов в развернувшейся борьбе внутри партийной и государственной бюрократий. Они наблюдали за этой схваткой «гигантов», аплодируя (большинство с готовностью) побеждающей сталинской группе и проклиная терпящих поражение троцкистов и правых уклонистов.

В России издавна существовали две *противоположные* традиции. Одна традиция крестьянских восстаний *против* помещиков. Другая — традиция *защиты* отечества, во главе которого стояли помещики и их представители.

Вторая традиция имеет более длительную и глубокую историю, чем первая. Примером может служить Отечественная война 1812 г., когда благодаря героическим действиям крепостных крестьян в качестве либо солдат регулярной российской армии, либо членов партизанских отрядов против ранее непобедимой армии Наполеона феодально-крепостная система была спасена.

Такое поведение крепостного крестьянина было, на наш взгляд, *более чем* простым выражением патриотизма. На смерть сражаясь с иноземцами, русский крепостной крестьянин *как бы* говорил своему помещику-крепостнику: «Я знаю, что бессилён перед тобой, мой хозяин. Моя историческая память подсказывает мне, что все предыдущие крестьянские восстания против тебя под руководством Болотниковых, Разиных, Пугачевых и других потерпели жестокое поражение. Так что все, что я теперь могу сделать, так это приобрести *мои будущие* права на собственность и свободу, защищая *твои теперешние* права на собственность и свободу. Я пожертвую для тебя сейчас, чтобы получить от тебя позднее».

Та же психологическая атмосфера доминировала в конце 1930 гг. Большевики, которые после хаоса гражданской войны восстановили закон и порядок, были восприняты измученными людьми как единственная альтернатива анархии.

Новые вожди России не выполнили почти все свои обещания, которые они давали людям: в результате коллективизации крестьяне снова потеряли свою землю и большинство из них (за исключением членов совхозов) снова стало крепостными (но теперь уже колхозов); рабо-

чие потеряли контроль над предприятиями, где они работали, и оказались в допрофсоюзных условиях последней четверти XIX столетия; население в целом снова было лишено политических прав, за исключением права славить мудрость партии и ее ленинской «мессии».

И, однако, сталинская фракция большевиков, поскольку она уже была у власти, в свете старой российской крестьянской традиции воспринималась населением как обладатель мистических знаний о райском будущем, которое могло быть претворено в жизнь лишь через *осмысленные и имеющие назначение* народные страдания.

Таким образом, когда строительство «реального социализма» как первой фазы «коммунизма» было закончено, когда единство между партийно-государственной бюрократией и значительной частью небюрократического населения было установлено, советский «социалистический» человек *фактически* предстал в двух обликах: как партийный или государственный бюрократ, чьи нормы поведения были основаны на его теперешней хорошей жизни и на твердом убеждении, что его жизнь станет еще лучше; и остальное население, чьи нормы поведения черпались из необходимости жертвовать сегодняшним, чтобы достичь лучшего, как этому населению казалось, в ближайшем будущем.

Этика и поведение строителей «коммунизма»

Но тут перед большевиками встала дилемма. Отсутствие эксплуататорских классов и общественная собственность на средства производства (которые официально провозглашались как достигнутые в стране) должны были, согласно марксизму (которого партия официально придерживалась), вести к отмиранию государства и его органов, самой большевистской партии и ее «первосвященника» (лидера партии).

Невольно большевики стали жертвами своей собственной риторики. Одно дело — провозглашать благороднейшие цели революции, искренне веря, как и наивные крестьянские массы, в осуществление этих целей. В таком случае большевики обманывали всех, в том числе и самих себя. Но совершенно другое дело — настаивать на том, что первоначальные идеи революции реализованы, когда бывшие революционеры, защитники угнетенных и эксплуатируемых масс, становятся бюрократами, т.е. сами превращаются в угнетателей и поработителей этих масс.

В этих условиях проблема сохранения общества, антагонистически разделенного на классы, в «социалистической» стране теряла свое исключительно теоретическое значение. Она становилась практической, ибо в основе ее теперь лежала задача, как сохранить вновь возникший правящий бюрократический класс, как объяснить народу продолжение его существования при «полной победе социализма».

Большевики смогли найти лазейку. Народу было сообщено, что *полная* победа «социализма» в СССР была *необходимым*, но *не* достаточным условием для того, чтобы началось отмирание государства, партии и других предпосылок классового общества. Что еще было нужно, так это чтобы победа «социализма» в Советском Союзе стала *окончательной*. А это возможно лишь при «социализации» всех или, по крайней мере, большинства стран мира.

Послание, с которым обратилась партийная бюрократия к народу, было предельно ясным: пока вокруг СССР существует капиталистическое окружение, государственная и партийная бюрократии не только будут оставаться у власти, но будут усиливаться. Марш в направлении «коммунизма» будет продолжаться, но время достижения «царства божия» на земле становилось совершенно неопределенным. Ибо время прибытия на «конечную» станцию зависело теперь не только от усилий марширующих в ее сторону советских людей, но и от хода событий за пределами Советского Союза.

Парадоксально, но факт: капиталистическое окружение, которое было представлено народу как преграда к построению «коммунистического» общества, теперь объективно служило «социалистическому» обществу в качестве оправдания усиления роли в СССР партии и государства. Официально народу было объявлено, что для советских людей лучшим способом помочь зарубежным братьям встать на путь строительства «социализма» в их странах должны стать успехи советского народа в экономическом развитии СССР: экономические достижения, которые продемонстрировали бы способность Советского Союза догнать и перегнать развитые капиталистические страны, сделают советскую систему притягательной для миллионов трудящихся за рубежом. Таким образом, советские люди превратились в орудие борьбы бюрократии за сохранение и умножение ее власти внутри страны и за ее пределами.

Благодаря успеху бюрократии в подчинении себе советского общества советские люди потеряли всякое желание действовать по собственной инициативе. В результате тоталитарный режим породил всеобщую инерцию.

Этика и поведение потерявших дорогу к «коммунизму»

Со смертью Сталина бюрократия потеряла не только провозвестника окончательной правды о «земном рае», но и ее «осуществителя». Смерть «мессии» позволила бюрократии реализовать стремление ее отдельных членов к безопасности и стабильности.

Но в то же время смерть «мессии» (наместника Ленина на земле) сделала бюрократию, и, прежде всего, ее олигархическую часть, исключительно нервной. Ибо пуповина, которая связывала ее с народом (их общее

ничтожество по отношению к Вождю), была разорвана. Больше не было того, кому можно было бы молиться и кто брал бы на себя ответственность за принятие решений. Теперь бюрократии не за кем было прятаться.

Для того, чтобы вдохновить народ и снова сплотить его вокруг нового руководства (во главе с Хрущевым), необходимо было опять обратиться к *будущему*. Вновь советские люди должны были быть взбодрены чувством избранности, чувством особенности их судьбы. Отсюда была поставлена цель лечить послесталинский синдром «похмелья» новой дозой идеологических наркотиков.

Для осуществления этой задачи хрущевское руководство предложило советскому народу две программы: новую программу партии и новый кодекс строителей «коммунизма». Обе программы стремились сохранить связь с прошлым, но в новых исторических условиях, когда члены бюрократического класса стали тяготиться неопределенностью личной судьбы, которую они испытывали в период культа личности Вождя.

Лозунг единства троицы (Ленин — Бог, Сталин — Мессия и Партия — Святой Дух) был отброшен. Взаимен высшая партийная бюрократия выдвинула лозунг единства двух: Ленина и Партии. Решено было, что не должно быть никаких посредников между Лениным — Богом и Партией — Святым Духом, с одной стороны, и советским народом, с другой.

Новая программа партии, провозглашенная на ее XXII съезде, намеревалась не только подновить несколько обветшалые лозунги строительства «коммунизма», но и впервые в истории советской власти дать населению *конкретную* дату прихода царствия божия на советскую землю. Ибо *упразднение* террора (как метода правления высшей партийной бюрократии в момент становления бюрократии как класса) сделало необходимым нахождение новых методов убеждения населения оставаться подконтрольными партийной и государственной бюрократиям.

Народу было обещано, что поколение советских людей начала 1960 г. «будет жить при коммунизме», который наступит к началу 1980 г. Но характерно, что «коммунизм», который партия обещала своему народу через 20 лет, уж очень напоминал развитый, эгоистичный, ориентированный на неограниченное *личное* потребление американский капитализм, уровень жизни которого советское руководство к этому сроку обещало своему народу, наконец, догнать и перегнать.

И, хотя новая программа *на словах* по-прежнему отдавала должное возвышенным идеалам равенства и братства в *бесклассовом* обществе, основанном на самоуправлении, в реальности *долгосрочный* «идеалистический коммунизм» был отложен на неопределенное будущее в пользу *краткосрочного* «практического коммунизма».

Очевидно, что к 1960 г. идея царства божия на земле, как ее понимали *ранние* большевики, потеряла свою актуальность. Новое «коллективное» советское руководство, выражая интересы бюрократии, делая упор на американского типа «прагматический коммунизм» короткого периода, *окольным* путем давало знать, что оно было вполне удовлетворено положением бюрократии в советском обществе, а потому ему не нужны были никакие слезливые химеры равенства, братства, основанного на самоуправлении. Более того, в *реальности* даже этот отдаленный идеал становился для бюрократии помехой, ибо его осуществление означало бы уход с исторической сцены самого класса бюрократии.

Отсюда бюрократия выработала для народа новый моральный стандарт, которому должна была следовать вся страна и, согласно которому, теперь не было ничего зазорного в том, чтобы жить сегодняшним днем (а не только для будущего, тем более, что последнее было не за горами) и добиваться лучших условий жизни для себя и своей семьи (а не только для других, сегодняшних и будущих).

История снова сыграла злую шутку с первоначальными архитекторами советского общества, сконструировав последнюю связь в круговой цепи: возникнув как общество, где индивидуальность должна была служить коллективизму, советская система превратилась в социальную структуру, в которой *формальный* коллективизм подчинился *фактическому* индивидуализму. За исключением партийных и государственных чиновников (и, прежде всего, высших), советские люди, которые в массе *не желали*, а потому и *не имели права* заниматься реальной политикой, удовлетворились отведенной им *церемониальной* ролью в руководстве страной. Но в то же время у них теперь появилась *открытая* возможность направлять свою энергию для достижения *личного* счастья.

Таким образом, начиная с 1960 г., советские люди в одном отношении догнали Америку: они постепенно *американизовались*, став первым *легитимным* «я»-поколением в СССР.

В результате в 1960 г. стали во все большей степени вырисовываться *открытые* (до сего времени скрытые) очертания *нового типа* советского человека среди не только бюрократии, но и небюрократической части населения: эгоиста, равнодушного ко всему, что не касается непосредственно его лично и его семьи, жадного в стремлении к улучшению своего и своей семьи материального положения, завистливого по отношению к своим более преуспевающим и удачливым соседям. Более того, советский человек сделался очень нетерпеливым: он уже не верил и не хотел жить во имя самых благородных обещаний будущего. Он хотел насладиться жизнью

теперь. Коррупция, взяточничество, кумовство и цинизм еще более произросли на такой почве.

Отвергая сталинский моральный кодекс, согласно которому личные интересы должны были быть принесены в жертву коллективным интересам, новая система советских ценностей попыталась примирить индивидуальный эгоизм с коллективным альтруизмом, т.е. краткосрочный прагматичный и ориентированный на личное потребление «коммунизм» с долгосрочным, идеалистическим и нацеленным на общее благо «коммунизмом».

После падения Хрущева и прихода к власти Брежнева советское общество добавило еще одну черту к своей все более мещански-обывательской сущности: лицемерие невиданных размеров. Вопреки риторике, своими действиями бюрократия как бы говорила советскому народу: забудьте об этом романтическом и золотом будущем, которое вы домогались и которое вам в свое время было обещано; живите сегодняшним днем.

Нация прекрасно поняла это «шифрованное» послание своих руководителей. Все более теряя возвышенный смысл жизни, растущее число членов советского общества все глубже погружалось в приземленные эпикурейские оргии физических наслаждений и самодовольства.

Надо было последнее, объективно неосознанное, а потому приведшее к результату, противоположному осознанно-намеченному, усилие со стороны высшей партийной бюрократии во главе с Горбачевым, чтобы с помощью политики перестройки и гласности сбросить, наконец, с бюрократии это ярмо двусмысленного, опасного, ненужного, идеологически враждебного ей идеалистического «коммунизма». Отказавшись от «светлого, обобществленного будущего», бюрократия повела советский народ (в соответствии с его и своими пожеланиями) на завоевание «сладкого приватизированного настоящего». Смогла она, наконец, это сделать, сломав ставшую ей мешать «жить, как люди»,

и отслужившую свою историческую службу позднюю лицемерно-ханжескую советскую систему тоталитарно-государственного капитализма.

Советский опыт как пища для философских размышлений

Советский опыт доказал, что именно народ является творцом истории. Но советский опыт доказал это, скорректировав данную истину: народ делает историю не только *активно*, но и *пассивно*.

Российский (советский) общинно-крестьянский народ создал бюрократию «по образу и подобию своему». Ибо именно пассивная рабско-крестьянская ментальность российского (советского) народа сломала ранних, фанатически и романтически наивных большевиков. Именно эта народная пассивность вынудила последних, в конечном счете, взять на себя руководство всеми сторонами жизни страны и в результате *незаметно для себя* превратиться в господствующий класс советского общества.

Но по мере развития этого общества ранняя, преимущественно полуграмотная, общинно-крестьянская бюрократия как порождение общинных крестьянских масс в условиях необходимости совершения запоздалой промышленной революции в СССР сама, в свою очередь, в результате завершения промышленной революции, постепенно трансформировалась в более позднюю, все более урбанизированную, все более грамотную, все более городскую, все менее общинную («мы»-собственническую), все более индивидуалистическую («я»-собственническую) бюрократию.

Благодаря такой метаморфозе следствие стало причиной. И теперь уже эта новая бюрократия создавала и «воспитывала» новый, промышленный, урбанизированный, грамотный советский народ. И теперь уже эта новая бюрократия вела народ на разрушение того строя, который народ в свое время «заставил» ее построить.

Источники:

1. Ernest Raiklin, Socioeconomic Systems of Russia since the 1850s. Washington, D.C.: Journal of Social, Political and Economic Studies, Monograph Number 33, 2008
2. Эрнст Райхлин, Основы экономической теории. Экономический рост и развитие. — М.: «Наука», 2001. — С. 182-192.

References (transliteration):

1. Ernst Raihlin, Osnovy ekonomicheskoi teorii. Ekonomicheskii rost i razvitie. — M.: «Nauka», 2001. — S. 182-192.